

Няня-пышка

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Няня-пышка

«Автор»

2026

Соболева У.

Няня-пышка / У. Соболева — «Автор», 2026

Максим Гром — циничный олигарх, чья идеальная жизнь рушится, когда курьер доставляет ему четырёхлетнюю дочь, шепелявую «мифутку». В поисках спасения от этого розового безумия он сталкивается с Люсей Петровой — пышной, неуклюжей, но невероятно доброй деревенской няней, способной устроить хаос из ничего. Их быт становится полем битвы, где сарказм Максима сталкивается с наивностью Люси, а его безупречный порядок летит к чертям.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Соболева

Няня-пышка

Няня – пышка, Мифутка – малышка для вредного олигарха.
Ольга Вереск

Аннотация:

Максим Гром – циничный олигарх, чья идеальная жизнь рушится, когда курьер доставляет ему... четырехлетнюю дочь, шепелявую «мифутку». В поисках спасения от этого розового безумия он сталкивается с **Люсей Петровой** – пышной, неуклюжей, но невероятно доброй деревенской няней, способной устроить хаос из ничего.

Их быт становится полем битвы, где сарказм Максима сталкивается с наивностью Люси, а его безупречный порядок летит к чертям.

Глава 1

Моя жизнь была выверена, как швейцарские часы, только без этих раздражающих кукушек, выскакивающих из ниоткуда. Подъем в шесть, спортзал, безупречный костюм, завтрак из трех яиц всмятку (сваренных лично моей домработницей, которая знала, что переварить яйцо для меня – это преступление против человечества), потом – офис, где я, Максим Громов, владелец миллиардов и повелитель сарказма, вершил судьбы мира. Ну, или хотя бы своей корпорации. И вот, в самый разгар онлайн совещания, когда я, словно древнегреческий оратор, вещал о перспективах добычи марсианского песка (да, это был мой новый гениальный проект, и да, он был абсолютно логичен, в отличие от всего остального в этом мире), раздался звонок. Не телефонный. Не звонок судьбы. А, мать его, звонок в дверь.

Я нахмурился. Моя квартира – это святилище, куда без моего личного благословения не ступала даже пыль. А тут – звонок. В домофон.

— Кто там?! — мой голос был похож на рык голодного льва, которому только что сообщили, что его стейк прожарен *well done*.

— Курьерская служба "Доставка Счастья", — пропел в ответ голос, настолько бодрый, что хотелось немедленно уволить его из жизни. — Вам посылка. Крупногабаритная.

Посылка? Крупногабаритная? Я ничего не заказывал. Разве что новый бомба-генератор, но тот, по моим расчетам, должен был приехать не раньше пятницы. А сегодня, как назло, среда. День, когда мой уровень мизантропии достигал апогея.

Мой помощник, некто Игорь, обычно невозмутимый, как статуя Будды, открыл дверь. И тут же побледнел, словно увидел призрака. Или, что еще хуже, меня без кофе. За ним стоял курьер, державший за руку... маленькую девочку. Девочка была рыжая в розовом комбинезоне, с бантами размером с уши слона на голове и таким же гигантским плюшевым медведем, который, казалось, весил больше, чем она сама. И смотрела на меня. Прямо на меня. С нескрываемым, мать его, любопытством. Как будто я был экспонатом в зоопарке, а не успешным бизнесменом, у которого каждая минута расписана по секундам.

— Это... вам, — пробормотал курьер, протягивая мне сложенный листок. Его голос дрожал, словно он только что пережил встречу с йети. Или с моим бухгалтером.

Я взял записку. Почерк Лизы. Моей бывшей жены. Витиеватый, надменный, словно выведенный куриной лапой, которая только что выиграла тендер на строительство небоскреба.

«Это твоя дочь, можешь не проверять, похожа на твоего отца, короче, разбирайся сам. Мне срочно нужно улететь на ретрит по поиску себя в Тибет. Вернись, когда найду. Или не найду. В общем, Анюта теперь твоя проблема. Целую, Лиза.»

Я перечитал. Потом еще раз. Потом посмотрел на девочку. Девочка смотрела на меня. Ее глаза, огромные и синие, как два озера в горах, изучали меня с такой дотошностью, с какой я обычно изучал финансовые отчеты.

— Дядя, — прошепелявила она, склонив голову набок, и это "дядя" прозвучало, как приговор. — А ты мой папа? А почему такой кишлый?

"Кишлый"? Что за черт? Это был новый вид оскорбления? Или диагноз? Я был "кишлый"? Да я был воплощением успеха, силы и... ну, ладно, вредности. Но не "кислоты"!

— Потому что дети – это аллергия на здравый смысл, — выдал я свою первую, совершенно искреннюю реакцию. Мой мозг, привыкший оперировать цифрами и стратегиями, явно отказывался переваривать эту розовую, шепелявую сущность.

Девочка надула губы. — А я не аллергия, я мифутка!

"Мифутка", — эхом отозвалось в моей голове. Это было словно новый вирус, который только что проник в мою идеально отлаженную систему. Кажется, моя жизнь только что пре-

вратилась в абсурдный спектакль, где я был главным героем, а сценарий писал явно кто-то очень пьяный.

Курьер, почуяв, что воздух вокруг меня начал густеть, а его зарплата висит на волоске, быстро ретировался, словно перепуганный заяц. Он оставил меня наедине с моей "посылкой", "аллергией на здравый смысл" и "мифуткой".

Первая попытка наладить быт началась с еды. Я, человек, который не помнил, когда в последний раз готовил что-то сложнее, чем тост (и то, если его делал тостер), решил, что еда – это просто. Заказал суши. Много суши. Разнообразных, как моя коллекция швейцарских часов. С лососем, угрем, креветками, авокадо – полный набор для гурмана.

— Вот, — сказал я, подвигая к Анютке тарелку с роллами, которые выглядели как маленькие произведения искусства. — Ешь. Это полезно. Рыба, рис. Витамины.

Анютка понюхала. Сморщила свой маленький носик, который, казалось, был создан для того, чтобы выражать максимальное отвращение.

— Фу, шырая рыба! Я ем две шашки манной каши!

"Шырая"? "Шашки"? Что это за язык? Я чувствовал себя археологом, который наткнулся на древний манускрипт, написанный на языке, которого не существовало в природе.

— Что значит "шашки"? — уточнил я, чувствуя, как мой мозг, привыкший к четким формулировкам, начинает закипать.

— Ну, шашки! — Анютка развела ручками, пытаясь изобразить размеры. Ее движения были такими же нелепыми и очаровательными, как попытка слона станцевать балет. — Ну из них шай пьют!

В итоге, после получаса бесплодных попыток накормить ребенка "шырой рыбой", я сдался. Моя гордость олигарха была растоптана маленькой девочкой, которая предпочитала нечто под названием "шашки манной каши". Я заказал манную кашу из ближайшего круглосуточного кафе, которое, к моему удивлению, вообще предлагало такую архаичную еду. И был несказанно удивлен, когда Анютка, кряхтя, съела две "шашки" порции. Мой мир рушился.

Вечерняя программа обещала быть еще более "увлекательной". Я, человек, привыкший ложиться спать в полной тишине, где даже комары боялись пискнуть, решил, что Анютка тоже должна быть к этому готова. Логично же? Сказки – это для тех, кто не умеет читать биржевые сводки.

— Спать, — скомандовал я, указывая на огромную кровать в гостевой спальне, которая была больше, чем вся ее предыдущая жизнь, судя по всему. — Сказки – это для тех, кто не умеет читать биржевые сводки. Или для тех, у кого нет акций на Уолл-стрит.

Анютка посмотрела на меня, потом на кровать. Ее глаза, минуту назад похожие на озера, теперь стали похожи на два грозových облака.

— А шказка? Без шказки не засну!

— Никаких сказок, — отрезал я, чувствуя, как моя вредность достигает критической отметки. — Ты уже большая девочка. Большие девочки спят в тишине. Как взрослые.

Через пять минут из гостевой спальни раздался такой пронзительный вой, что, казалось, стекла в окнах задрожали. Это был не плач. Это был настоящий вой сирены, способный остановить движение на автострате и вызвать панику на бирже. Анютка рыдала, требуя сказку, маму, и чтобы "папа не был таким вредным".

Я ворвался в комнату, пытаясь унять эту "сирену", как я ее тут же окрестил. Мои нервы, обычно стальные, сейчас были похожи на перетянутые струны, готовые лопнуть. Я пытался уговорить ее, пригрозить, даже подкупить черным шоколадом (который она, к слову, отказалась есть, потому что "невкусный"). Бесплезно. Она продолжала выть, пока, наконец, не затихла, уснув посреди своих слез, словно маленький, измученный штормом кораблик.

— Отлично, — прошипел я сквозь зубы, глядя на это спящее чудо в розовом. — Теперь у меня дома живет сирена. И, кажется, я начинаю понимать, почему Лиза сбежала в Тибет.

Мне срочно нужен план. План по нейтрализации этой... мифутки. И, кажется, мне нужна няня. Срочно. Иначе я сам сбегу в Тибет. Или на Марс.

Глава 2

После ночи, проведенной в объятиях детской истерики и под аккомпанемент шепелявых требований "шказки" (что бы это ни значило), я понял одно: мой мир, выстроенный на логике и стальных нервах, дал трещину. Трещину размером с Великую Китайскую стену, и по ней ползла маленькая, розовая, шепелявая мифутка. Мне нужна была няня. Срочно. Как воздух, как новый контракт на миллиард, как возможность выспаться хотя бы до семи утра.

Мой помощник Игорь, который после вчерашнего выглядел так, будто сам провел ночь в Тибете, но не в поисках себя, а в поисках смысла жизни, получил четкое задание: найти няню. Лучшую. Самую квалифицированную. Ту, что сможет справиться с четырехлетним экспертом по вредности. Я дал ему карт-бланш и пригрозил, что если он не найдет мне эту чудо-женщину, то его следующая командировка будет на Марс, без обратного билета.

Игорь, надо отдать ему должное, подошел к делу с присущей ему педантичностью. Утром следующего дня мой пентхаус превратился в филиал кастинг-агентства для нянь. Это был парад абсурда, достойный пера самого Беккета, только с большим количеством розового цвета и детского шепелявения.

Первой явилась некая мадам Полянская. Сухощавая, как ветка саксаула, с пучком на голове, который, казалось, был зацементирован намертво. Она вошла, словно полководец на поле боя, с папкой, полной сертификатов, и взглядом, способным заморозить даже кипяток.

— Здравствуйте, Максим Игоревич, — ее голос был резким, как звук отбойного молотка. — Я – Антонина Петровна. Мой опыт работы с детьми – двадцать пять лет безупречной службы. Я воспитала трех олимпийских чемпионов по художественной гимнастике и одного вундеркинда, который в шесть лет знал таблицу Менделеева наизусть.

Я кивнул, пытаюсь скрыть зевок.

— Отлично. А с мифутками вы работали?

Анна Петровна нахмурилась.

— С кем?

— С моей дочерью, — я кивнул в сторону Анютки, которая сидела на диване, обняв своего плюшевого медведя, и изучала Антонину Петровну с таким же интересом, с каким я изучал отчеты о падении акций. — Она... специфическая.

Антонина Петровна подошла к Анютке.

— Анна, — произнесла она, словно отдавая приказ. — Подойдите сюда. Будем заниматься английским. В четыре года дети должны знать английский!

Анютка моргнула.

— Тетя, а почему у тебя такие шпиральные зубы? Ты длакон?

Анна Петровна поперхнулась воздухом. Я чуть не задохнулся от смеха. Ее идеально зацементированный пучок, казалось, слегка пошатнулся.

— Что за глупости, дитя! Я не дракон! Я – педагог!

— Тети должны быть доблыми, а не длаконами! — заявила Анютка, и я почувствовал, как уголки моих губ предательски поползли вверх. Моя мифутка – безжалостный критик. И, кажется, она была права. Эта Антонина Петровна была "драконом" до мозга костей.

Антонина Петровна, видимо, не привыкшая к такой прямолинейности, побледнела, потом покраснела и, наконец, выдала:

— Я... я думаю, этот ребенок требует... индивидуального подхода. И, возможно, экзорциста.

Она развернулась и, не попрощавшись, вылетела из квартиры, словно ее подбросило катапультой.

— Поздравляю, — сказал я Анятке. — Ты провалила экзамен. Одна сбежала.

Следующей была некая Кристина, с ног до головы обвешанная гаджетами. Ее телефон постоянно пищал, она каждые пять секунд делала селфи, а ее губы были надуты так, что казалось, она только что съела осиное гнездо.

— Привет, малышка! — пропела она, пытаясь сделать селфи с Аняткой. — Давай сделаем классную фотку для моего инстаграма!

Анятка отпрянула.

— Тетя, а почему у тебя такой рашпухший рот? Ты ешь много конфет? Или тебя укусила оша?

Кристина замерла с телефоном в руке.

— Что? Нет, это... это филлеры! Модный тренд!

— А у меня нет филлеров, — заявила Анятка. — Я мифутка. И я не люблю, когда меня фоткают. Я люблю, когда мне шказки читают.

— Сказки? Фу, это так скучно! — Кристина закатила глаза. — Давай лучше тикток снимем!

Анятка посмотрела на меня.

— Папа, а тетя глупая?

Я пожал плечами.

— Возможно, Мифутка. Возможно.

Кристина, обиженная до глубины души, что ее модные тренды не оценили, тоже быстро испарилась, оставив после себя лишь легкий шлейф приторных духов и ощущение, что я только что пережил нападение стаи инстаграм-блогеров.

Потом была няня, которая панически боялась детей. Да-да, вы не ослышались. Она пришла, села на самый край стула, и при каждом движении Анятки вздрагивала, словно ее ударили током.

— Анята, — прошептала она, прикрывая рот рукой. — Не подходи близко. У меня... аллергия на детский шампунь.

Анятка, естественно, тут же подскочила к ней.

— Тетя, а почему ты боишься? Я не кушаюсь! Я доблая мифутка!

Няня завизжала, как чайник, и выбежала из комнаты, споткнувшись о мой дизайнерский ковер.

К обеду я был готов выть. Мой пентхаус, обычно тихий, как склеп, превратился в проходной двор для фриков. Я сидел в своем кресле, потягивая кофе, который уже давно остыл, и смотрел на Анятку, которая, казалось, наслаждалась этим парадом ужасов.

— Папа, — сказала она, глядя на меня своими огромными глазами. — А почему все тети такие кишлые? И шшрашные?

— Потому что, Мифутка, — ответил я, чувствуя, как мой сарказм достигает апогея, — хорошая няня — это мифический зверь. Как единорог. Или как моя способность сварить яйцо.

Я уже почти потерял надежду. Думал, может, стоит нанять телохранителя для Анятки? Или отправить ее в Тибет к Лизе? Но потом вспомнил, что Лиза там "ищет себя", и, скорее всего, не найдет.

Глава 3

Ночь после парада нянь-фриков была хуже, чем битва при Ватерлоо, если бы Ватерлоо происходило в моей спальне, а Наполеон был четырехлетней девицей, требующей "шкашки про динозавров" и "чтобы папа не был таким кишлым". Я не спал. Совсем. Мои веки были тяжелыми, как чугунные гири, приваренные к глазным яблокам, а мозг, обычно острый, как бритва, способная разрезать атом пополам, сейчас напоминал пережеванную жвачку, которую забыли на солнце. Анютка, эта маленькая, розовая, шепелявая диверсия, эта атомная бомба в розовом комбинезоне, всю ночь звала маму, а потом, когда поняла, что мама в Тибете и на зов не явится, начала рассказывать мне свои "шкашки". Это были не просто сказки. Это были эпические полотна о летающих единорогах, которые питаются радугой, о говорящих ящерицах, способных высиживать яички в кустах, и о принцессах, которые умеют варить борщ лучше, чем моя бывшая домработница. К пяти утра я был готов обменять свой пентхаус на койку в психиатрической клинике, лишь бы поспать хотя бы час. Или хотя бы пять минут. Или просто перестать слышать про единорогов.

Утро началось с того, что я чуть не вылил кофе на Игоря. Мой помощник, бедняга, выглядел так, будто сейчас убежит, он явно боялся моего помятого вида, потому что достанется, как обычно, именно ему. Его безупречный костюм тоже был слегка помят, а волосы торчали во все стороны, как у напуганного ежа.

— Максим Игоревич, — пробормотал он, дрожащим голосом, который, казалось, принадлежал призраку. — Я... я продолжаю поиски. Но... кажется, рынок нянь исчерпал себя. Все агентства разводят руками. Говорят, ваш запрос... специфический.

— Исчерпал? — мой голос был похож на скрежет несмазанных шестеренок, на звук ржавой пилы, которая пытается распилить алмаз. — Игорь, если ты не найдешь мне няню, я лично отправлю тебя на Северный Полюс. Без зарплаты. Без еды. И без обратного билета. Ты будешь там жить с белыми мифутками и рассказывать им свои проблемы. И, поверь, это будет хуже, чем слушать шкашки Анютки.

Я вылетел из квартиры, словно пробка из шампанского, которое слишком долго трясли, а потом еще и уронили с двадцатого этажа. Мой "Мерседес", обычно послушный, как верный пес, сегодня казался мне слишком медленным, словно черепаха, которая решила участвовать в гонках Формулы-1. Я летел по улицам Москвы, игнорируя пробки, светофоры и здравый смысл, который, казалось, покинул меня вместе с последними каплями сна. Мой мозг работал на пределе, пытаясь придумать, как решить эту "детскую" проблему, которая оказалась сложнее, чем слияние двух транснациональных корпораций, покупка новой страны или изобретение вечного двигателя.

И тут начался дождь. Как будто мне мало было этого цирка, небеса решили подлить масла в огонь, а заодно и окатить меня ушатом холодной воды. Крупные, жирные капли барабанили по крыше машины, превращая дорогу в зеркало, в котором отражались мои несчастья. Я выругался. Громко. Ненавижу дождь. Ненавижу пробки. Ненавижу детей. Ненавижу весь этот мир, который решил, что я — идеальный кандидат на роль отца-одиночки, способного справиться с четырехлетней мифуткой.

И тут она. На остановке. Вся такая... пышная, явно деревенская. С зонтиком, который, казалось, был сделан из лоскутов, собранных на распродаже после нашествия моли всех цветов радуги. И вот она, эта девушка, стояла прямо у края лужи. Лужи, которая была размером с небольшое озеро, способное вместить пару-тройку китов.

Мой мозг, затуманенный бессонницей, яростью и предчувствием надвигающейся катастрофы, среагировал на лужу слишком поздно. Или слишком быстро. Или просто не среагировал вообще, потому что был занят перевариванием очередной шкашки Анютки про говорящих

ящериц. Я нажал на газ. Вода взметнулась фонтаном, словно гейзер, который решил устроить представление в центре Москвы, и обрушилась прямо на нее. На девушку.

Я резко затормозил. Мой "Мерседес" встал как вкопанный, словно его пригвоздили к асфальту. Я уставился в зеркало заднего вида. Девушка стояла, мокрая до нитки. Ее волосы, русые и растрепанные, прилипли к лицу, как мокрые водоросли. Одежда, какая-то бесформенная кофта и джинсы, облепила ее пышную фигуру, словно мокрая тряпка, которая только что пережила стирку в центрифуге.

Я уже открыл рот, чтобы выдать очередную порцию сарказма, достойного Нобелевской премии по остроумию, но тут раздался голос с заднего сиденья. Голос, который я теперь узнавал из тысячи, голос, который стал для меня симфонией хаоса.

— Папа, ты опять кого-то обидел! — заявила Анютка, которая, к моему удивлению, не спала, а внимательно наблюдала за происходящим, словно режиссер, оценивающий новую сцену для своего фильма. — И тетя моклая как лыбка!

Я обернулся. Анютка сидела, прижавшись к медведю, и смотрела на меня с осуждением. С осуждением! Моя четырехлетняя дочь, которая еще вчера требовала "шкашки пло динозавлов", теперь читала мне мораль, словно я был нерадивым школьником, а она – строгой учительницей.

— Это не я виноват, что люди не умеют ходить, — буркнул я, пытаюсь сохранить остатки своего достоинства, которые таяли быстрее, чем мороженое на экваторе. — Она стояла слишком близко к дороге. Это ее проблемы.

Я вылез из машины. Мне не хотелось выходить под дождь, который лил как из ведра, превращая меня в мокрую курицу. Но что-то внутри, какая-то искорка совести (которую я давно считал атрофированной и законсервированной в формальдегиде), заставила меня это сделать. Девушка стояла там же, и из ее глаз текли слезы. Не от дождя. От обиды. Слезы были такими же крупными и прозрачными, как капли дождя, но они несли в себе совсем другую боль.

— Ой, — прошептала она, пытаюсь вытереть слезы мокрой рукой, размазывая их по лицу. — Мои джинсы... я ж на собеседование... Они же за последнюю стипендию...

Я посмотрел на ее вид. Он был жалок. Свитер мокрый, бесформенный, розовый... Джинсы явно не брендовые в грязных разводах. Последняя стипендия? Это было хуже, чем потерять миллион. Это было... душераздирающе.

— Садитесь в машину, — сказал я, пытаюсь быть максимально нейтральным, но мой голос все равно звучал как рык раненого медведя. — Я вас подвезу. И куплю джинсы, десять джинсов, сто джинсов. Целую фабрику по производству джинсов, если хотите.

Девушка подняла на меня глаза. Они были огромными, голубыми, как два блюдца, и полными недоверия, словно я был не олигархом, а самым настоящим злодеем из сказки. Красивая. Кукольная мордашка с нежными губами, голубыми глазами, курносый носом и легким румянцем на полных щеках. О таких говорят «кровь с молоком»

— Ой, вы маньяк! — воскликнула она, отступая на шаг, словно я был заразным. — Я в новостях видела! Красивые мужчины на дорогих машинах часто оказываются маньяками!

Я чуть не поперхнулся воздухом. Маньяк? Я?! Максим Гром, который не убил даже таракана в своей квартире, потому что для этого есть специальные службы, и то, если таракан слишком наглый и отказывается подчиняться правилам? Моя репутация, выстраиваемая годами, рушилась на глазах из-за одной мокрой девушки.

— Тетя, — раздался голос Анютки из машины. Она уже высунула голову из окна, словно любопытный хомячок, который решил исследовать внешний мир ее рыжие кудряшки слегка промокли и теперь вились еще больше. — Папа не маньяк, он просто влудный и голодный! И он не кушает людей, он кушает шилую лыбу!

Я почувствовал, как мои губы предательски дернулись в попытке улыбнуться. "Плоштовлeдный и голодный". Гениально. Моя дочь, мой личный психолог, мой персональный диагност, поставила мне диагноз, который был точнее, чем любой медицинский отчет.

Девушка посмотрела на Анютку, потом на меня. Ее слезы текли по щекам, смешиваясь с дождем, создавая причудливые узоры на ее лице.

— Ой, да я ж ...большая! — пробормотала она, пытаясь прижать к себе мокрый джинсовый рюкзачок. — Я в вашу машину не помещусь!

Я уставился на нее. Она была пышной, да. И уж точно не настолько толстой, чтобы не поместиться в мой "Мерседес", который был размером с небольшую квартиру. Мой мозг, привыкший к идеальным формам, выверенным пропорциям и логическим построениям, вдруг осознал, что ее комплексы были такими же огромными, как лужа, в которую я ее окунул, и такими же бесформенными, как мокрый рюкзак.

Но тут я заметил кое-что. Когда Анютка высунула голову из окна, эта девушка, несмотря на то, что была мокрая, несчастная и униженная, улыбнулась ей. Улыбка была такой искренней, такой теплой, что казалось, будто солнце выглянуло из-за туч, а все мои проблемы растворились в воздухе. Ее глаза, полные слез, вдруг засияли, словно в них зажглись две маленькие звездочки. И в этот момент я понял. Внешность. Вес. Комплексы. Все это было неважно. Важна была эта доброта. Эта искренность. Это тепло, которое она излучала, даже стоя под проливным дождем, мокрая и несчастная, словно маленький, но очень яркий маяк в шторм.

— Садитесь, — повторил я, уже не так резко, а скорее с ноткой приказа, который не терпел возражений. — Вы простудитесь. А мне не нужны проблемы с прокуратурой из-за того, что я заморозил потенциальную няню.

Она нерешительно подошла к машине. Открыла заднюю дверь, чтобы сесть рядом с Анюткой, словно боясь, что я в последний момент передумаю и оставляю ее наедине с дождем и мокрым зайцем.

— Тетя, — прошепелявила Анютка, наклонившись к ней, словно делясь великой тайной. — Вы похожи на мифутку, как я. Вы большая мифутка. Вот...как он.

Аня показала девушке своего медведя.

Девушка моргнула. Посмотрела на Анютку, потом на меня, словно пытаясь понять, что происходит. И, к моему удивлению, улыбнулась. Застенчиво. Искренне. Так, как не улыбалась ни одна из предыдущих нянь.

— Мифутка? — прошептала она. — Я... я не знаю. Может быть. Я просто Люся.

Я завел машину и поехал, поглядывая в зеркало заднего вида на Анютку, которая щебетала с нашей пассажиркой, как с лучшей подружкой.

— Люся, а ты умеешь готовить? — спросила моя дочь.

— Умею, — ответила Люся. — Каша, супы, котлеты...

— А блинчики?

— И блинчики!

— А иглать умеешь?

— Умею! В куклы, в прятки, в догонялки...

— А сказки знаешь?

— Много сказок! Про принцесс, про зверей, про волшебников...

— А лаботать умеешь?

— Работать? — удивилась Люся. — А какую работу?

— Няней! — гордо объявила Анютка. — Папа ищет мне няню!

Я чуть не свернул с дороги.

— Анютка! — одернул я ее.

— А что? — невинно спросила она. — Люся же холошая! И она мифутка!

— Извините, — пробормотал я, глядя на Люсю в зеркало. — Дочь у меня... активная.

— Ничего, — улыбнулась Люся. — А вы правда ищите няню?

— Ищу, — признался я. — Но пока безуспешно.

— А какая нужна?

— Доблая, — вмешалась Анютка. — И чтобы не лугалась и не учила меня английскому, не фоткала для инстаграма и тик-тока!

— Ругалась? — засмеялась Люся.

— Да! Вчерашняя тетя лугалась, длугая боялась, тлетья меня фоткать хотела, папа не дал!

— Понятно, — кивнула Люся. — А еще какие требования?

— Чтобы умела готовить нормальную еду, а не заказывать из ресторанов, — ответил я. — Чтобы знала сказки. Чтобы не пыталась научить четырехлетнего ребенка высшей математике.

— А зарплата какая? — осторожно спросила Люся.

Я назвал сумму. Люся побледнела и схватила за сердце.

— Господи, — прошептала она. — За такие деньги я готова нянчить целый детский сад!

— Значит, интересно? — спросил я, чувствуя, как в груди просыпается надежда.

— Очень! — выпалила она, потом спохватилась. — То есть... если вы серьезно. А то вдруг вы шутите...

— Не шучу. Мне действительно нужна няня для Анютки.

— А я подхожу?

— Не знаю, — честно ответил я. — Но Анютка тебя одобряет. А мифутки, как оказалось, лучше разбираются в людях, чем кадровые агентства.

— Люся! — закричала Анютка. — Соглашайся! Будешь моей няней!

— Но я не умею быть няней, я никогда не работала у олигархов! — запротестовала Люся.

— Олигарх? — фыркнул я. — Просто бизнесмен с проблемами в области отцовства.

— А у меня нет опыта!

— А у меня нет опыта быть отцом. Будем учиться вместе.

— Правда? — робко спросила она.

— Правда. Главное — чтобы ты любила мифуток.

— Я люблю всех детей, — тихо сказала Люся. — Особенно таких хороших, как Анютка.

— Тогда решено! — объявила моя дочь. — Люся — наша няня!

— Но мы же даже не познакомились нормально, — возразила Люся. — Я даже не знаю вашего имени!

— Максим, — представился я. — Максим Игоревич Гром. А это моя дочь Анютка, она же мифутка.

— Очень приятно, — улыбнулась Люся. — Люся Петрова. Людмила. Но все зовут меня Люся.

— Когда можешь начать? — спросил я.

— А хоть сейчас! — обрадовалась она. — У меня сегодня выходной в универе. Я на собеседование ехала...но теперь не актуально.

— Универ?

— Педагогический. Четвертый курс.

— Отлично. Значит, хоть какое-то образование есть.

— Есть! — гордо ответила она. — Я на отлично учусь!

— Тогда поехали к нам, — решил я. — Посмотришь на квартиру, на условия...

— Спасибо, — тихо сказала Люся.

— За что?

— За то, что подобрали. За то, что не прогнали. За то, что предложили работу.

— Я тебя облил, — напомнил я.

— Зато теперь у меня почти есть работа! — засмеялась она. — Может, это судьба?

— Может быть, — согласился я.

Я наблюдал за ними в зеркало заднего вида. Мокрая девушка, которая боялась меня, как маньяка, и моя "мифутка", которая уже успела найти в ней родственную душу, словно они были двумя половинками одного целого. Контраст был поразительным. Моя вредность против ее доброты. Мой снобизм против ее деревенской простоты. Моя стерильная жизнь против ее хаоса. И все это через призму детского, абсолютно непредвзятого восприятия, которое видело суть, а не обложку.

Мы ехали в тишине. Только дождь барабанил по крыше, словно отбивая ритм новой, безумной мелодии моей жизни, да Анютка что-то тихонько шепелявила своей новой знакомой, рассказывая ей, наверное, очередной миф про говорящих ящериц. Я чувствовал, как что-то внутри меня, что-то давно замерзшее, что-то, что я считал давно умершим, начало оттаивать. Эта девушка, эта "Пышка", как я ее тут же окрестил, была полной противоположностью всему, к чему я привык. Она была хаосом, неуклюжестью, наивностью. Она была... настоящей. И, черт возьми, она была... интересной.

Глава 4

Господи Боже мой, во что я ввязалась! Сажу я в машину, которая стоит дороже, чем наша деревня целиком, рядом с мужчиной, который выглядит как обложка журнала "Форбс", а сзади щебечет рыжеволосый ангелочек, который только что устроил мне собеседование на должность няни!

Я же корова неуклюжая! Что я знаю про олигархов? Что они едят золотом и спят на деньгах! А тут такой красавец предлагает мне работу, а я сажу мокрая как мышь, в старенькой куртке, которая уже три года служит мне верой и правдой!

— Люся, а ты откуда? — спрашивает Аня, болтая ножками и разглядывая меня как дикий зверушку.

— Из деревни, — честно отвечаю я, краснея как рак. — Из Попово.

— А что такое деревня? — интересуется малышка.

Я оборачиваюсь и вижу, как Максим Игоревич поднимает бровь. Наверное, думает: "Отлично, теперь мне нужна няня-деревенщина для дочери-мифутки". А я еще больше краснею и начинаю тараторить:

— Ой, деревня — это где коровы, куры, огород... Там все по-простому, не как в городе. Там люди добрые, соседи друг другу помогают...

— А коловы большие? — восторгается Аня.

— Очень большие! И добрые! Они молоко дают!

— Папа, а можно колову? — тут же оборачивается она к отцу.

— Нет, — коротко отвечает Максим, и я чувствую, как у меня внутри все сжимается. Наверное, жалеет уже, что предложил мне работу. Ну конечно! Какая из меня няня для олигарха? Я же толстая деревенская простушка!

— А почему нельзя колову? — не унимается Аня.

— Потому что коровы не живут в квартирах, — терпеливо объясняет папа. — Они живут в деревнях, где много места.

— А давайте переедем в деревню!

— Аня, папе нужно работать в городе.

— А зачем работать? У нас же денег много!

Максим Игоревич смотрит на дочь в зеркало, и я вижу, как у него дергается уголок рта. Ой, кажется, он хочет улыбнуться! А я-то думала, он всегда такой серьезный!

— Мифутка, деньги сами не появляются. Их нужно зарабатывать.

— А как их зарабатывать?

— Работают. Думают. Решают проблемы.

— А какие проблемы?

— Сложные, — вздыхает он. — Например, как найти хорошую няню для капризной дочки.

— Я не капризная! — возмущается Аня. — Я мифутка!

— Извини, — с серьезным видом соглашается папа. — Как найти хорошую няню для мифутки.

А я сажу и слушаю, как они общаются, и понимаю — он ее обожает! Этот строгий, красивый мужчина без ума от своей рыжеволосой дочурки! И от этого понимания у меня сердце тает как масло на сковородке.

— Люся, а ты умеешь готовить мифутские котлетки? — поворачивается ко мне Аня.

— А какие это? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Ну, обычные, только вкуснее! Бабушка мне готовила, но она далеко теперь.

— А где бабушка?

— На небе, — грустно отвечает малышка. — Мама сказала, что бабушка теперь звездочка.

Я чувствую, как к горлу подкатывает комок. Бедная крошка! Сколько потерь в таком маленьком возрасте!

— Я умею готовить котлетки, — тихо говорю я. — И супчики, и кашки, и оладушки...

— А играть ты умеешь? — продолжает допрос Анютка.

— Умею! В куклы, в дочки-матери, в прятки...

— А в принцесс?

— Конечно! Я могу быть принцессой, драконом, феей...

— А папу научишь играть?

Я удивленно смотрю на Максима Игоревича. Он краснеет! Этот важный олигарх краснеет от детского вопроса! А я люблюсь невольно его крупным телом, явно спортивным и накачанным. Его красивыми темными волосами, ухоженной бородой, мощными руками с длинными пальцами. По коже бегут мурашки. Я никогда не общалась с такими мужчинами, только по телнюк видела.

— Папа не умеет играть? — осторожно спрашиваю я.

— Не очень, — признается он. — В детстве было некогда.

— А почему некогда?

— Учился, работал... — он пожимает плечами. — Некоторые люди рождаются взрослыми.

— А я не хочу быть взлослой! — заявляет Анютка. — Взлослые скучные!

— Не все, — возражаю я. — Некоторые взрослые очень интересные. Просто они забыли, как быть детьми.

— А ты помнишь?

— Помню! А знаешь почему? Потому что у меня внутри живет маленькая девочка, которая любит мороженое и качели!

— Плавда? — восхищается Анютка.

— Правда! И она очень любит мифуток!

— А что еще ты умеешь? — спрашивает малышка, и я понимаю, что это самое важное собеседование в моей жизни.

— Умею плести косички, петь песенки, делать фигурки из теста...

— А танцевать?

— Ой, танцую как медведь на дискотеке! — смеюсь я. — Но весело!

— А што такое медведь на дискотеке? — хихикает Анютка.

— Это когда большой и неуклюжий, но очень старается! Топают ногами и машет лапами!

— Покажи! — требует малышка.

— Сейчас? В машине? — ужасаюсь я.

— Ну хоть немножко!

Я неуверенно начинаю двигать руками, изображая танцующего медведя. Анютка хохочет, а Максим поглядывает в зеркало с таким видом, как будто не знает, смеяться или вызывать психиатра.

— А почему ты такая большая?

Я замираю. Вот оно, самое больное место! Как объяснить четырехлетней девочке, что тетя Люся толстая и некрасивая потому что родилась такой?

— Немножко большая, да, почему не знаю... — тихо отвечаю я.

— А это плохо?

— Некоторые думают, что плохо.

— А я думаю, что хорошо! — заявляет Анютка. — Большие тети лучше обнимаются! А еще ты доблая и класивая. У тебя глаза как у куклы.

У меня от этих слов сердце переворачивается! Этот ангелочек говорит, что быть большой — хорошо! А я-то всегда думала наоборот!

— Спасибо, солнышко, — шепчу я.

— А папа, ты как думаешь? — обращается Анютка к отцу.

Максим смотрит на меня в зеркало, и я чувствую, как краснею до корней волос. Что он сейчас скажет?

— Я думаю, что размер не важен, — медленно говорит он. — Важно, какое у человека сердце.

— А у Люси какое сердце? — интересуется Анютка.

— Думаю большое и доброе, — отвечает он, не отрывая глаз от дороги.

А я сижу и не верю своим ушам! Он сказал, что у меня доброе сердце! Незнакомый мужчина, которого я встретила полчаса назад, сказал мне комплимент!

— Люся, а ты хочешь быть моей няней? — спрашивает Анютка.

— Очень хочу, — честно отвечаю я. — Только боюсь, что не справлюсь.

— А почему не справишься?

— Потому что я никогда не работала няней у богатых людей. Я не знаю, как себя вести, что говорить...

— А зачем что-то особенное говолить? — удивляется малышка. — Говоли как обычно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.